

*«Это бы очень украсило мою биографию»...
Любовь и революция в судьбе Аси Лацис,
Вальтера Беньямина и Бернхарда Райха*

Анна Альчук

Валентина Леопольдовна Фреймане – доктор искусствоведения, автор множества публикаций на латвийском языке о кино и театре, живет в Германии и Латвии. Обладая глубокой культурой и знанием европейских языков, она общалась с мировой театральной-и-кино-элитой. В разное время она была знакома с Симоной Синьоре и Ивом Монтаном, Дзефирелли и Анной Маньяни, Питером Бруком и Жаном Луи Барро.

В 60-70 годы она общалась с Анной (Асей) Лацис и Бернхардом Райхом, дружила с дочерью Лацис, Дагмарой. Лацис и Райх стали главными героями «Московского дневника» (1926-1927 годы) Вальтера Беньямина, одного из самых крупных философов современности.

Анна Альчук встретила с Валентиной Леопольдовной в Берлине и записала с ней беседу.

(текст А. Альчук)

Валентина Леопольдовна, расскажите, пожалуйста, как Вы познакомились с Бернхардом Райхом и Асей Лацис?

Асей ее никто в Риге не называл, ее называли Анной. Сейчас даже не помню, как мы познакомились. Мой покойный третий муж был из старых латышских интеллигентских, социал-демократических семей, и в нашем доме все время были люди: из Союза писателей, театрального общества.

Вы ведь дружили с дочерью Анны Лацис, Дагмарой?

Дагмара была очень милым человеком. Привлекательная, интересная женщина, очень порядочный, скромный человек.

Она знала Беньямина? Интересно, что она рассказывала о нем?

Что она могла рассказывать! Что он был влюблен в ее маму, что мама издевалась над ним за его спиной еще больше, чем в глаза. Она, например, уверена, что мать никогда в близкие отношения с Бенямином не вступала не потому, что ей это было трудно из-за Райха. Анна как-то сказала мне: «Всякое было, но с ним (Вальтером Бенямином. – А.А.) не спала, сама не знаю почему».

А сама-то Лацис рассказывала Вам о Бенямине? Она хоть оценила его в конце жизни?

Нет, по-настоящему не оценила, потому что его духовным миром не интересовалась. Она ценила его отношение к ней, то, что он ее идеализировал.

В конце жизни (в 70-е гг.) она узнала, что он очень знаменит.

Это на нее очень воздействовало, но оценить его она не могла. Брехта она могла сама оценить, потому что он все-таки занимался вещами, ей понятными.

В ней, как в ребенке, было много трогательного. Ее эгоизм и эгоцентризм выглядели абсолютно естественными, ведь по большому счету она не добивалась для себя особых благ. Ей нужно было, чтобы ее обожали, потому что она очень зависела от взгляда других людей. Она чувствовала себя счастливой, когда ею восторгались.

Для целого ряда людей в Риге Лацис была гуру. Она интересно разбирала пьесы. Если в персонажах было что-то родственное ей, она прекрасно их анализировала. Впрочем, актеры мне рассказывали, что все-таки самая интересная работа над пьесами началась, когда из ссылки вернулся Райх и поселился в Валмиере. Он брал экземпляры пьесы и по-немецки к разным сценам писал свои соображения, комментарии, а Лацис с этими рукописями приходила на репетиции. До конца жизни Райх не очень хорошо говорил по-русски. Я в 1962 году поступила в Москве в ГИТИС в аспирантуру по истории театра, и там мне рассказали, что когда Райх преподавал, говорил о Чехове (он русские слова выговаривал по-немецки), он вместо «Вишневый сад» всегда произносил «Вишневый зад». Так студенты его и прозвали «Вишневый зад». Райх был милейшим человеком, но при этом неисправимым максималистом и догматиком. Он ведь входил в худсовет МХАТа и, приехав из Германии, стал выступать против «старомодного, буржуазного искусства» МХАТа. А какие гадости он делал Булгакову! Он по своей немецкой левой ограниченности не понимал, что таким образом посылает донос в ЧК.

Вы считаете, он был талантливым режиссером?

Что я могу сказать? Я не видела ни одной его режиссерской работы. Когда Анна жила в Валмиере и была режиссером в этом отнюдь не провинциальном театре, я ее спектакли видела. Актеры были благодарны Лацис за то, что она

привносила в их театр новые веяния. Ведь она возникла в пятидесятые советские годы как человек из совсем другой эпохи, из Веймарской республики 20-х годов, из революционной Советской России. А Райх тем более лелеял в себе левые иллюзии и Веймарскую республику – он же уехал из Германии в 1926 году, он же Гитлера не видел... Он не знал и не понимал контекста латышского театра, не видел также глубины интерпретации ряда современных советских режиссеров и актеров психологической школы. Они оба в основном интересовались социально-политическими контекстами.

Но как это возможно: люди прошли лагерь, столкнулись с суровой реальностью и остались при своих иллюзиях?

Они никогда на эти темы не говорили не только публично, но и в частных разговорах. Хотя Анна со мной иногда очень откровенно говорила. Я помню разговор, когда мы сидели и выпивали вдвоем. Это был прекрасный вечер. Тогда она сказала: «Брехт никогда не был моим любовником. Он мне так не нравился! Но когда я у него играла, он меня всегда возил на машине и по дороге ко мне приставал. А я все-таки – нет». Тогда у нее начался роман с Райхом, и она говорила: «Я этого Райха полюбила, потому что мне его так жалко было. Он такой хороший. А Брехта ни за что... – и тут она говорит так задумчиво, – знаете, я сейчас об этом очень жалею, это бы очень украсило мою биографию». Мне так понравилась эта непосредственность.

Все-таки интересно, появилось ли у них в конце концов критическое отношение к Октябрьской революции?

Я не знаю, что происходило с Райхом, он был человеком все-таки скрытым. В искусстве, которое не имело отношения к советской действительности, он ничего не понимал. Он как бы остановился в своем росте: остался левым юношей, сыном интеллигентных и богатых родителей, который поверил в революцию. Райх всегда начинал с теории и шел в искусство, смотря, соответствует ли это его теории или нет. При этом он был человек добрейший и честнейший. Некрасивый, худенький был старичок, но очень привлекательный. В нем было столько обаяния, он был такой милый и доброжелательный! Но в каком-то смысле он был слепой. Ему встретился Брехт, который развил его эстетическое чутье, и Райх впоследствии кроме Брехтовского театра ничего другого не воспринимал. Брехт был для него не просто Богом, это была его молодость, непрожитые им годы, весь его нереализовавшийся потенциал.

Читаешь этих людей, и хочется плакать, ведь это были действительно талантливые, хорошие люди. Они действительно верили, что идут к светлому будущему, во имя которого стоит от чего-то отказаться, хотя Брехт не любил ни от чего отказываться... А Райх действительно отказывался от многого, но у него была Ася, у которой было много потребностей...

И все-таки каким образом у нее совмещалась революционная риторика и любовь к вещам?

Я считаю ее действительно fascinирующим феноменом. Все великие люди, особенно великие женщины, интересны тем, что в них очень много алогичных, абсурдных внутренних импульсов, которые в соответствии с нормальной логикой должны были бы конфликтовать между собой, но они не конфликтуют. Эти люди принимают себя без всяких ограничений, полностью, такими, какие они есть. Они не задумываются о том, что какое-то их деяние не уживается с их принципами. Никакого самоанализа, самокритики...

Насколько Райх и Лацис подчинили себя партийной дисциплине? Беньямин в «Московском дневнике» описывает, как он дал интервью газете «Вечерняя Москва», после этого Лацис и Райх устроили ему скандал. Они страшно боялись, как бы он не сказал лишнего.

У Райха был комплекс, связанный с тем, что он происходил из буржуазной семьи. Он считал, что если он родился от буржуев, в нем генетически заложен некий порок. Скажу вам честно, был момент, когда мне стало боязно, что я так откровенно с ними говорила...

Вообще мы с ними много спорили во время наших последних встреч. Райх и Лацис мечтали о возрождении «Синих блуз», революционных хоров, всего того, что в Германии двадцатых было действительно очень интересно. Они все время стремились возродить революционный театр, причем абсолютно прямолинейно. Я говорила им: подумайте сами, ведь вы будете просто служить партийным лозунгам. А они мне отвечали, что это не правильно, и обвиняли меня в «утонченном и порочном мышлении».

Вы действительно в какой-то момент боялись, что они могут донести на Вас?

У меня было ощущение, что Райх все-таки понимает, что происходит, и очень переживает, но не хочет самому себе в этом признаться...

Нет, они не стали бы доносить, но без всякого злого умысла, публично высказывая свое возмущение тем, что я говорю такие критические вещи, они могли мне навредить.

Вообще-то Вам надо было бы прочитать книгу Дагмары «Ася» (Рига, 1996 г.).

Для этого мне пришлось бы выучить латышский язык.

Почему бы эту книгу не перевести на русский язык?

В ней Дагмара параллельно отрывкам из «Московского дневника» дает высказывания матери по поводу событий, описываемых Беньямином. Ася, по-женски привлекательная, чувствовавшая свою власть над мужчинами, любого

мужчину презирала, независимо от того, кем он был. Райх был у нее в добровольном рабстве. Я долгое время была единственным человеком в рижской театральной среде, с которым он мог говорить по-немецки. Ася была жутко ревнивая, и он ее боялся, но говорил: «Такая уж она, но я ее люблю». Она им помыкала, и любила это делать на людях. Какой отвратительнейший характер у нее был! Она была настоящая стерва, но привлекательная. В последние годы мы с ней часто ссорились. Райх, в отличие от нее, мог выслушать и сказать, что не согласен. Анна же ничего не слушала, перебивала, орала.

У Театрального общества был недалеко от Риги Дом творчества, а дом Райха и Анны был в трех минутах ходьбы от этого места. Когда я гуляла в саду после завтрака, Райх обычно проходил мимо, потому что он ходил за молоком к одной крестьянке. Райх со своим бидоном шел от молочницы, останавливался у забора, звал меня, и мы, как деревенская парочка, беседовали у калитки. Он никогда не входил в дом, чтобы старые актрисы, которые там отдыхали, не донесли Анне. Однако долго он стоять не мог, чтобы Анна не вычислила, что он куда-то вернулся по дороге. Как Райх радовался возможности поговорить по-немецки! Анна же терпеть не могла, когда я говорила с ним по-немецки, потому что говорила по-немецки плохо. Они между собой говорили в основном по-русски. Она одинаково плохо говорила на всех языках, кроме латышского, хотя и по-латышски писала с ошибками. Немцы думали, что она плохо говорит по-немецки, потому что она латышка, то же самое думали русские о ее русском языке.

Люди с такой структурой личности, как у Лацис, не ощущают ничего и никого, кроме себя. А революцию она любила потому, что нравилась себе в контексте революции.

И не надо иметь иллюзии по поводу ее идеализма... Она постоянно меня удивляла! Например, начинает какой-то рассказ, от которого ждешь многого: например, как она шла с каким-то действительно интересным человеком, и вдруг слышишь: «шли мы, и я увидела в магазине такие-то и такие-то вещи, они мне понравились. Мы долго смотрели на них, пока он мне это не купил». Как будто ни о чем другом она с ним не разговаривала! Ася всегда провоцировала, чтобы ей дарили драгоценности.

А что об этом пишет Дагмара?

Жаль, что ее воспоминания не переведены. Мы планировали вместе с ней перевести их на немецкий, хотели при этом расширить книгу специально для немецкого читателя, но тут Дагмара неожиданно умерла. И когда я уже потом говорила о переводе этой книги, я поняла, что никто этого особенно не хочет. Книга Дагмары напоминает книгу дочери Марлен Дитрих, она даже менее откровенно написана.

Я переведу вам некоторые отрывки. (Далее перевод Валентины Леопольдовны книги Дагмары Лацис.) «В гостинице для иностранцев “Ливерпуль” мы

жили вплоть до 1927 года... Мама как обычно вечерами уходила в театр или в гости, оставляя меня одну. Я целыми вечерами бродила по гостинице. Одежды у меня всегда было очень мало. (Мать ей ничего не покупала, ей всегда было жалко денег. Однажды Дагмаре подарили красивое пальто, и она была счастлива, но мать сразу же его закрыла в шкаф на ключ, и Дагмара его увидела только через 8 лет, когда Анну арестовали. – В.Ф.) Я знала, что у меня только одно красивое платье: белое, вышитое, с короткими рукавами. Несмотря на то что была зима, я вытащила чемодан, надела короткие носочки, сандалии. И вот в таком виде я ночью гуляла по гостинице “Ливерпуль”, искала людей, но было поздно, и они редко встречались... Однажды мама вернулась раньше, чем обычно, и не нашла меня в комнате. Она меня отругала и с тех пор запирала в комнате на ключ... (У девочки в результате развилась клаустрофобия. Вот как Дагмара описывает встречу Аси и Беньямина. – В.Ф.) Мама хотела купить миндаль, но не могла вспомнить, как будет миндаль по-итальянски. Тогда подошел господин и спросил, чем может помочь. Мама объяснила, и господин сказал по-итальянски, что нужно. Мы очень много купили, но неизвестный не уходил. У него были очень густые темные волосы. Он сказал: “Позвольте представиться, доктор Вальтер Беньямин”... Он часто гостил в нашем доме, мама с ним подружилась... Райх из Капри ездил в Мюнхен и обратно, потому что надолго не мог бросить свою работу. Ася познакомила его с Беньямином... И в Италии они много времени проводили вместе. Я не знаю, могу только гадать, знал ли Райх об отношениях Аси с Беньямином. В конце концов, Райх и моя мама официально не были мужем и женой, они зарегистрировались только к концу жизни... Я тоже точно не знала, что там происходит и в конце концов получила информацию об отношениях Аси и Беньямина из его “Московского дневника” много лет спустя...

Получив известие, что Ася серьезно заболела и должна долго лечиться, Вальтер сразу же примчался в Москву. Но то время, которое он собирался провести вблизи любимой женщины, он хотел использовать для своей работы... В России все ему казалось непонятным и удивительным. Вполне возможно, что если бы мама отнеслась к нему приветливее, он бы остался жить в СССР, как это сделал Райх... Ася жила в санатории, Райх жил в своей гостинице, а Беньямин жил в другой гостинице, но эти три пункта были очень близки, и они все время ходили друг к другу. Как я помню, у Беньямина был двухкомнатный номер, и Райх часто приходил туда работать и временами спал там... Но нам было ясно (Райху и Дагмаре. Сколько ей было лет, десять? – В.Ф.), что его желание быть вместе с Асей не осуществится. Райх же был современным человеком, он не имел права быть ревнивым».

Потом Дагмара пишет об итальянском художнике Панаджи, который тоже ухаживал за Асей. Он писал Асе в Москву замечательные письма на немецком языке. Все письма начинались обращением «красное солнышко», которое он писал по-русски латинскими буквами. Панаджи тоже собирался ехать в

Москву, но потом написал, что полностью отказался от этой идеи, потому что посмотрел фотографии Москвы и решил, что не поедет в город с такой ужасной архитектурой. Дагмара пишет: «Мне очень жаль, что эти прелестные письма погибли, их забрали чекисты в 1938 году, когда арестовали мою маму. Тогда же пропали и письма Беньямина».

Зная воспоминания Дагмары, Анну Лацис трудно назвать хорошей матерью.

Анна нехорошо поступила с Дагмарой, она официально лишила ее наследства. И это при том, что Дагмара и ее муж Вилис построили для нее загородный дом, разбили прекрасный сад. Когда же Вилис сложил для Лацис камин и закончил все работы, связанные со строительством, он и Дагмара были сразу отлучены от дома. Анна их даже ни разу не пригласила. В денежных делах она проявляла мелочность и подлость. Она хотела передать свой дом Союзу писателей с тем, чтобы там открыли творческий центр ее имени. Ей отказали по разным причинам, также и потому, что люди из Литфонда осуждали ее за отношение к семье. Если бы к этому времени был жив Райх, он бы не позволил Лацис так поступить. Дом достался государству.